

УДК 124.5
ББК 87.6

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ДЕСТРУКЦИИ КУЛЬТУРЫ

В.Н. Вахменин

Основные концепции культуры говорят нам, что человеческая деятельность имеет рациональные основания и по сути своей – созидательна [2, с. 89]. Деструктивную сторону человеческого поведения чаще считают недостатком рациональности и отступлением от нормы. Однако новейшее время показало, что стремительное развитие культуры неотделимо от умножения агрессии и вандализма в обществе.

Возникает неизбежный вопрос о природе и смысле деструктивного в культуре. Под деструкцией мы понимаем любое действие, направленное на разрушение чего-либо. Однако говорить о деструктивности в отношении культуры можно лишь при том условии, что объектом разрушения выступает какая-либо целостность, более того – целостность, имеющая конструктивное начало и конструктивные цели. Таким образом, нас интересует направленное деструктивное воздействие по отношению к культуре, истоки, причины и статус такого воздействия.

Причины деструкции в культуре

Стремление к разрушению целостности существует как в индивидуальном, так и коллективном сознании. Так или иначе, деструкция зарождается в случае конфликта между ожидаемым (либо воображаемым) и действительным положением индивида или группы индивидов. Различные концепции конфликта находят для деструктивности либо биологические причины, либо социальные. Так, Герберт Спенсер, наряду с представителями социально-биологической теории, утверждает, что конфликт присущ человеку как универсальный закон жизни, обеспечивающий стремление к равновесию

[5, с. 261]. Сторонники социально-психологической концепции и некоторых других теорий заявляют, что конфликт – явление преходящее и возникает в определенных условиях в ответ на напряженность в обществе или между индивидом и средой [3, с. 86].

В случае конфликта между индивидом и социумом (средой) деструкция проявляется посредством агрессивного поведения. Человек, вступая в противоречие между собственными стремлениями и возможностями, испытывает фрустрацию и, за неимением конструктивного разрешения этой проблемы, пытается разрушить ценности, в которые не вписываются его желания и стремления.

Другим источником деструктивного поведения человека выступает маргинализация: когда индивид не укоренен в конкретной культуре, он начинает борьбу с самой системой доминирующих культурных ценностей. Отвергается само стремление к целостности как основание жизни человека и выдвигается установка на радикально новую систему ценностей. Примерами таких настроений могут служить анархизм и нигилизм, однако это уже настроения, облекшиеся в форму идеологии. Здесь мы хотим подчеркнуть, что деструктивное поведение направлено на разрушение конкретной культуры, а не феномена культуры вообще. Ведь то, что считается варварством в одном обществе, в другом может быть признано нормой. Даже если человек осознает свои действия как совершенно антикультурные, рано или поздно его убеждения приобретут форму какой-либо идеологии, что даст начало развитию новой культуры. Однако на уровне индивидуального сознания деструкция культуры вполне может восприниматься в качестве последнего основания и цели человека.

Именно на уровне индивидуального можно проследить тот вид деструкции, который не поддается рациональному объяснению. Эрих Фромм называет этот вид злокачественной агрессией, укорененной в сущности человека и не отвечающей никаким механизмам самосохранения или социализации [7, с. 283]. Эта агрессия имеет исключительно индивидуальные основания и может быть направлена на любой предмет, вызывая при этом удовольствие субъекта. Условием возникновения такой агрессии являются не врожденные инстинктивные механизмы (так как любые биологические механизмы в конечном итоге служат сохранению рода) и не давление окружающей среды или социума. Мы склонны полагать, что источником служит как раз сама сущность человека как существа культурного: если поведение животной особи расходится с поведением, принятым в стае, она делает его изгоем; человек же способен навязать культуре собственные интересы и собственную картину мира. Эта «слишком человеческая» способность не просто дает возможность людям нарциссического, садистского или некрофильского типа [7, с. 138] оставаться членами культуры, но и может выдвинуть их в ее лидеры.

Поскольку деструктивный тип личности – не следствие инстинктов или давления обстоятельств, мы можем признать его чисто экзистенциальным явлением. Со стороны психоанализа предпринимались попытки проследить источник такой крайней деструктивности в неврозе (как конфликте сознания и бессознательного). Однако уже Фрейд в своем позднем творчестве признал наличие так называемого «инстинкта к смерти», который действует в человеке наряду с принципом удовольствия и способен сделать неприятное (страхи, переживания, трагедии) влекущим [6, с. 141]. Это открытие ставит под сомнение ту парадигму, которая признает жизнь доминирующим и первоначальным началом, а хаосу и деструкции отводит роль помехи.

Если же субъектом деструкции является сама культура (или ее часть), то источник ее находится в конфликте между коллективным сознанием и обстоятельствами. Льюис Козер видит причину такого конфликта в неизбежном социальном неравенстве,

которое рождает психологическое напряжение членов общества [1, с. 245]. В таком случае конфликт, через отрицание одной культуры с ее ценностями, способствует становлению другой культуры, новой. Деструкция здесь происходит по отношению к культурным основаниям, не соответствующим ожиданиям, укорененным в социуме, так как культура сама является автором собственного разрушения, не выдерживая разрыва между ценностями и наличным состоянием.

Смысл и цели деструктивного в культуре

Говоря о смысле деструкции, необходимо уточнить, кто является ее активным субъектом: общество или индивид? Если инициатором деструкции выступает социум, то ее целью является построение нового социума. Тогда деструктивными эти инициативы будут только для той культуры, ценности которой подверглись критике; для новой же культуры эти действия будут вполне конструктивными. Однако неразрешенным остается вопрос: сменяя друг друга, перестраиваясь, культуры действительно движутся по пути от низшего к высшему? Если это так, то это вполне соответствует представлениям прогрессизма [5, с. 235]: деструкция представляется средством конструктивных перемен. Если же допустить отсутствие прогрессивной линии развития обществ, деструкция культуры обнаружит себя как естественное и непреодолимое стремление, целью которого является постоянная смена ценностей, причем в конечном итоге хаотическая.

Так, конструктивные моменты в деструкции культуры на социальном уровне относительно, если не найти подтверждения теории единства мировой истории. На индивидуальном же уровне для раскрытия смысла деструкции необходимо выбрать позицию по отношению к следующему вопросу: что первично для человека – хаос и смерть или становление и развитие?

О позитивном воздействии деструкции писал Фрейд, допуская, что «инстинкт к смерти» необходим, чтобы постоянно возвращать человека к созидательным стремлениям. Выступая противовесом жизни, он вызывает сопротивле-

ние либидо, что приводит к конструктивной деятельности. Также возможно, что «инстинкт к смерти» – лишь попытка быть готовым к невротическому потрясению извне, своего рода тренировка, благодаря которой, человек не сможет испытать настоящего ужаса перед ситуацией, постоянно находясь в ее предвкушении и даже создавая подобные ситуации сам [6, с. 162]. Здесь мы хотим обратить внимание на два аспекта, которые кажутся нам ключевыми. Во-первых, склонность к деструкции укоренена в человеке – это не защитная реакция, не недостаток человечности, это естественно для человека. Во-вторых, создавая агрессивные ситуации, человек принимает на себя активную роль, он выступает автором происходящих с ним событий. Возможно, это стремление есть следствие более глубокого невроза, но это не отменяет факта, что для человека не менее важно быть творцом реальности, чем получать от реальности ощутимую пользу (удовлетворение либидозных влечений).

Таким образом, можно говорить о наличии такого основания, которое объединяло бы в себе и культурные стремления человека, и деструктивные. По мнению Эриха Фромма, это экзистенциальная потребность влиять на кого-либо [7, с. 26]. То есть человек постоянно нуждается в активности, более того, в творческой активности, ему необходимо признание других и осознание себя как субъекта окружающей его реальности. К этому тезису хотелось бы добавить следующее замечание: человеку необходимо познавать и ощущать что-то новое, обновлять свой опыт, если же культура не приемлет его ценностей, он будет отстаивать их, действуя деструктивно.

Такой смысл деструкции остается достоверным, даже если признать, что в человеке первичен дионисийский тип поведения [4, с. 40] – хаос предворяет разум. Желание человека продолжать проявлять свое активное творческое начало (удовлетворять экзистенциальные потребности), несмотря на то что это проявление выливается в явно деструктивные формы, ставит перед нами следующий вопрос. Что дает культуре такая экзистенциальная деструкция? Мы полагаем, что это, прежде всего, эстетические ценности. Здесь возможно говорить о попытке утвердить первичность эс-

тики по отношению к этике – эстетическое влияет на человека даже тогда, когда этическое уже бессильно, когда его отвергает собственная культура и он не вписывается в существующую мораль. Некий внутренний идеал все же движет его поступками и заставляет утверждать его, даже антикультурными способами. Возможно, эстетическая составляющая, так как она всегда индивидуальна и не поддается расшифровке, и есть то конструктивное, что обнаруживается в деструктивных проявлениях человеческой личности.

Таким образом, деструкция культурных оснований – это стремление, заложенное в сущности человека, имеющее своей целью утвердить принципиально новые ценности. Эти новые ценности актуальны и являются ценностями только для субъекта деструкции – выступает ли в его роли отдельный человек или сама культура, разрушающая себя ради нового качества. Целостность же, объединяющая основания, не соответствующие стремлениям субъекта, всегда выступает объектом деструкции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Козер, Л. А. Функции социального конфликта / Л. А. Козер // Американская социологическая мысль. – М. : МГУ, 1996. – С. 542–556.
2. Левинас, Э. Философское определение идеи культуры / Э. Левинас // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. – М. : Прогресс, 1990. – С. 86–97.
3. Маркс, К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. / К. Маркс // К. Маркс, Ф. Энгельс. – Соч. – 2-е изд. – Т. 7. – 702 с.
4. Ницше, Ф. Рождение трагедии, или Эллинизм и пессимизм / Ф. Ницше ; пер. с нем. Г. А. Рачинского. – М. : Акад. проект, 2007. – 166 с.
5. Спенсер, Г. Сочинения : пол. пер., провер. по послед. англ. изд. / Г. Спенсер ; общ. ред. Н. А. Рубакина. Основные начала / С. Герберт ; пер. Н. Тютчева ; под ред. С. Матвеева. – СПб. : Издатель, 1899. – 337 с.
6. Фрейд, З. По ту сторону принципа наслаждения / З. Фрейд // «Я» и «Оно» : тр. разных лет / З. Фрейд. – Тбилиси : Мерани, 1991. – С. 139–192.
7. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм ; пер. с нем. Э. Телятниковой. – М. : АСТ : Астрель, 2010. – 621 с.